

Е. В. Головки

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ ИЛИ НОВЫЙ КОД?¹

1. Введение

Ситуации билингвизма типичны почти для любой страны мира. Не будет преувеличением сказать, что билингвизм скорее следует воспринимать как норму, а не исключение из правила. Если верить подсчетам (разумеется, приблизительным) разных исследователей, по крайней мере половина населения земного шара говорит более чем на одном языке. Не удивительно поэтому, что в последние годы появляется много работ, посвященных различным аспектам билингвизма. При этом следует заметить, что абсолютное большинство исследователей в качестве нормы, в качестве точки отсчета берут ситуацию одноязычия. И, отталкиваясь именно от такой ситуации, они пытаются понять, каким образом люди используют два языка одновременно. В таких работах ситуация двуязычия в конечном счете предстает как отклонение от нормы, требующее специального объяснения. Очевидно, в этом случае происходит смешение двух различных перспектив — социолингвистической, помогающей в изучении того, каким образом используется язык (языки) в обществе, и структурно-лингвистической, предполагающей прежде всего описание устройства конкретного языка как некоторой абстрактной системы правил. При описании двуязычной ситуации методы структурной лингвистики совершенно необходимы для того, чтобы корректно описать правила, регламентирующие использование двух языков одновременно. Если же внимание исследователя сосредоточено целиком на том, как именно функционирует язык (языки) в некотором социальном контексте, ситуация двуязычия требует ничуть не больше оправданий, чем ситуация одноязычия².

2. Немотивированное переключение кодов

Обычная позиция исследователей, занимающихся изучением переключения кодов, сводится к тому, что практически всякое переключение с языка на язык в ходе разговора³ является мотивированным и определяется ожиданиями слушающего (см., например: Heller 1988: 1).

Суть явления переключения кодов, по словам той же М. Хеллер (Heller 1988: 10), сводится к тому, «какую функцию оно выполняет». Крупнейшая исследовательница билингвизма К. Майерс-Скоттон (Myers-Scotton 1993а; 1997: 231–232) увязывает переключение с одного языка на другой с различными статусами этих языков, а также с выбираемой говорящим социальной позицией: немаркированное переключение кодов имеет место тогда, когда говорящий следует установившимся в языковом сообществе правилам речевого поведения и переключается в соответствии с ожиданиями слушающего; маркированное переключение имеет место в том случае, если говорящий сознательно нарушает некоторые принятые в данном речевом коллективе конвенции и сознательно производит переключение таким образом, что это замечается собеседником как отклонение. Обе позиции подразумевают, что переключение имеет определенную мотивацию. Такой подход восходит к работам Джона Гамперца, в частности к его знаменитой книге *Discourse Strategies* (Gumperz 1982, особенно см.: 59–99; см. также: Гамперц 1972 [1964]). Несомненно, этот подход возможен, и он объясняет большинство ситуаций переключения кодов. Однако, как мне кажется, при том разнообразии ситуаций билингвизма, которые встречаются в самых разных социальных контекстах, он не охватывает все возможные случаи.

2.1. Городской волоф в Дакаре (Сенегал)

Один такой интересный случай, не укладывающийся в схему, приводится в небольшой работе Лей Свайгарт (Swigart 1992). Автор описывает ситуацию билингвизма, сложившуюся в Дакаре, столице Сенегала. В крупном портовом городе, вобравшем население из разных частей страны, два основных языка: язык волоф, являющийся лингва франка в этом городе (и шире — в регионе), и французский, официальный язык страны. Интересно в этой на первый взгляд тривиальной ситуации то, что упомянутые языки — волоф и французский — практически никогда не используются основной массой дакарцев по отдельности, но всегда одновременно, то есть, другими словами, происходит перманентное переключение кодов. Ср. примеры (Swigart 1992: 89–90):

(1) ...**xam nga weeru benn jour, quelques minutes lay def, quelques minutes rekk et puis c'est petit, un tout petit kii la! Boo gaawul, doo ko mën a gis.**

...**you know the first day's moon, it's only there for a couple of minutes, just a couple of minutes and then it's small, it's a really small thing! If you are not quick, you won't be able to see it** (здесь и в примере 2 перевод на английский с выделением жирным шрифтом взят из работы: Swigart 1992).

Перевод на русский: ...знаешь, какая бывает луна в первый день, она появляется только на пару минут, буквально на пару минут, и она маленькая, совсем маленькая! Если зазеваешься, не увидишь ее.

Приведенный выше пример — из диалога, в котором два молодых человека обсуждают рождение молодой луны, возвещающей в мусульманской религии окончание поста.

(2) *Mën naa làkk olof sans làkk 'faranse'.*

I can speak wolof without speaking French.

Перевод на русский: Я могу говорить на волоф без французских слов.

Уже само содержание последнего примера забавно и очень показательно: без переключения кодов говорящий обойтись никак не может, даже если стремится к этому. В данном случае как раз это и происходит: информант пытается выполнить просьбу исследователя, но не очень успешно. Разумеется, число французских вставок уменьшилось — до одной (*sans* 'без'), — но не исчезло совсем.

Автор, которая неоднократно бывала в Сенегале, работала в поле и провела в Дакаре достаточно много времени, утверждает, что ей не удалось обнаружить никакой мотивации при переключении кодов. Более того, с ее точки зрения, образец разговора, приведенный в примере 1, и есть, так сказать, норма речевого поведения в Дакаре, своего рода новый код. Почти невозможно встретить употребление чистого французского — разве что в речи очень образованных людей, например университетских преподавателей — или чистого волоф, если не брать в расчет речь людей, недавно переехавших в город из сельской местности. По наблюдениям автора, именно такой способ общения (автор называет его *городским волоф* — *Urban Wolof*) и является немаркированным, в то время как употребление «чистого волоф» или «чистого французского» маркировано и может встречаться только в ограниченном наборе ситуаций. Автор называет перманентное переключение с волоф на французский «новым кодом», но лишь условно. Одновременное использование двух языков остается именно переключением и не составляет действительно нового кода: разные информанты могут переключаться в разных местах и использовать части одного и того же предложения, «собранные» из разных языков, по-разному. Не совпадают у разных информантов и те «части из разных языков», которые используются при конструировании высказывания: разные информанты для выражения одного и того же смысла могут использовать средства из разных языков — и волоф, и французского. Таким образом, использование французских элементов нельзя признать заимствованием. При этом важно отметить, что в рамках городского волоф матричным языком (*matrix language*) при переключении является волоф, а французский представляет собой *embedded language* — язык, из которого делаются вставки⁴. Интересно то, как сами говорящие на волоф оценивают собственное речевое поведение. Большинство считает, что они говорят на волоф и отрицают какое бы то ни было французское влияние. Если ситуация требует от информантов употребления французского языка, то они, продолжая исполь-

зовать тот же городской волоф, но, возможно, с несколько большим процентом французских элементов, уверены, что говорят по-французски. Как бы то ни было, по всем формальным признакам это — переключение кодов, причем виртуозное, без пауз хезитации, метакомментариев и т. п. Если принять противопоставление по маркированности /немаркированности, выделяемое Майерс-Скоттон (см. выше), то надо признать этот код немаркированным: коммуниканты постоянно переключают коды, причем таким образом, что это, очевидно, отвечает ожиданиям слушающего. Однако представляется, что дело в данном случае не только в немаркированности, как она понимается Майерс-Скоттон. В отличие от ситуаций, когда два коммуниканта-билингва могут переключать коды в соответствии с принятыми (между ними или в данной группе) конвенциями, абсолютное большинство дакарцев просто не способны разделить два кода — волоф и французский (см. пример 2). В дальнейшем мы будем называть такое переключение кодов немотивированным⁵. Называя такой способ общения «городским волоф», Л. Свайгарт высказывает предположение, что подобное явление должно быть типичным для многих крупных городов.

2.2. Французско-немецкое переключение в районе Эльзас-Лотарингия

Представляется, что это явление совсем не обязательно должно быть привязано к большим городам. Вероятно, речь скорее может идти в широком смысле слова об этноконтактных зонах, где при определенных социальных условиях могут сложиться ситуации, когда постоянным признаком внутригрупповой коммуникации окажется немотивированное переключение кодов. Первый и самый очевидный из европейских примеров — район Эльзас-Лотарингия, переходивший за триста лет пять раз от Франции к Германии и обратно. По крайней мере, то, как эта ситуация описана в статье (Gardner-Chloros 1995), дает основания говорить о немотивированном переключении кодов между французским языком и одним из немецких диалектов. Приведу только два самых эффектных примера переключения кодов внутри предложения (intrasentential code-switching)⁶, записанных в Страсбуре (Gardner-Chloros 1995: 85):

(3) **Il** koch guet.

Он хорошо готовит.

(4) Tee het er immer zammemélangé.

чай имеет он всегда вместе**смешанный**.

Он всегда смешивает чай [разные сорта].

Приведенные примеры, по мнению автора, можно в некотором смысле считать экстремальными; гораздо более типичны менее «экзотические» типы переключения, причем процент переключений в речи разных информантов может довольно сильно отличаться. Однако в рам-

ках настоящей работы важно другое: «в этой группе отсутствует переключение, ориентированное на собеседника» (Gardner-Chloros 1995: 85), то есть переключение в речи членов группы сохраняется независимо от того, с кем происходит коммуникация. Иными словами, переключение кодов не определяется ожиданиями слушающего.

2.3. Карельско-русское переключение кодов в Республике Карелия и Тверской области

Итак, можно предположить, что немотивированное переключение кодов — явление гораздо более распространенное, чем это может показаться на первый взгляд. Разумеется, таких случаев должно быть много и в России, где практически все население, за исключением титульного этноса, владеет по меньшей мере двумя языками. В недавно опубликованном очень подробном исследовании (Sarhimaа 1999) разбираются примеры, иллюстрирующие такое переключение. Автор исследует результаты многовековых контактов карельского языка и северо-западных русских диалектов. В качестве продукта этого взаимодействия автор выделяет шесть различных «кодов»⁷, используемых сегодня в местах проживания карелов — в Республике Карелия и Тверской области России: *традиционный карельский (Traditional Karelian)*, *русско-карельский (Russain-Karelian)*, *карусский (Karussian)*, *новокарельский (Neo-Karelian)*, *финско-карельский (Finnish-Karelian)*, *русский* (Sarhimaа 1999: 231–246; 305–314). Три из них, по мнению автора, являются продуктом влияния русского языка на карельский: *новокарельский*, *карусский* и *русско-карельский*. *Новокарельский* в наименьшей степени обнаруживает русское влияние. В нем встречаются русские по происхождению элементы, однако это не что иное, как заимствования или «обычное» (ориентированное на собеседника) переключение кодов. При этом переключение кодов может происходить только на границах предложений. То, что автор называет *карусским*, в самом общем виде (см. подробнее: Sarhimaа 1999: 241–243) можно охарактеризовать как результат конвергентного сближения карельской и русской языковых систем. Так называемый *карельско-русский*, используемый современными карелами, судя по описанию, в структурном отношении не отличается от немотивированного переключения кодов, рассмотренного нами выше: процент русских элементов в речи высок, переключение происходит часто и плавно, без пауз, при этом оно имеет место как между предложениями, так и без ограничений внутри предложения, в том числе между подлежащим и сказуемым, сказуемым и дополнением и т. д. Пример (Sarhimaа 1999: 173–174):

- (5) **Kartofeida** **vot** **učuastku** **kudamane mel'ä on** **i** tol'ko potomu čto
картофель вот участок какой мы-с иметь и только потому что
- mama roodo** **kožhha** ran'se v sel'skom hozyaistve **n'i** **hän'el'l'ä**
мама работала тогда раньше в сельском хозяйстве поэтому ей

annetaa. A tak tol'ko doočan paikkoja annetaa.

дан а так только сад места даются

Перевод на английский (Sarhimaа 1999: 174): You see what a [small] piece of land we have for [growing] potatoes, and [even this we have] only because mother worked in farming in the past, that is why she was given it. This is the only way to receive a garden plot.

Перевод на русский: Вот какой у нас участок под картошку, и то только потому, что мама раньше работала в сельском хозяйстве, вот ей и дали. А так только садовые участки дают.

Точно так же, как в описанных выше случаях, использование русско-карельского переключения не ориентировано на собеседника и представляет собой рутинное речевое поведение. Содержание приведенного выше примера указывает на то, что переключение используется даже в тех случаях, когда собеседник не принадлежит к группе (хотя явно знает карельский и русский языки).

В приведенном примере жирным шрифтом выделены собственно карельские элементы, жирным шрифтом с подчеркиванием — элементы по происхождению русские, но попавшие в карельский очень давно и полностью адаптированные в соответствии с нормами карельского языка (в том числе фонетически), обычным шрифтом даны русские элементы, обычным шрифтом с подчеркиванием — русские элементы, ставшие «своими» в карельском (то есть фактически заимствования), но не полностью подвергшиеся адаптации.

Характеризуя карельско-русское немотивированное переключение кодов, Сархимаа (Sarhimaа 1999: 194–195) утверждает, что изначально матричным языком переключения, очевидно, был карельский, однако на сегодняшний день анализ материала показывает, что переключение происходит на основе составного матричного языка (*composite matrix language*), который является в некотором отношении переходной стадией в процессе полной смены матричного языка (*matrix language turnover*; подробнее об этих понятиях см.: Myers-Scotton 1993b: 70–74, 220–226; 1998).

Чрезвычайно подробная, насыщенная материалом работа (Sarhimaа 1999), пожалуй, первая из работ, целиком посвященная анализу результатов взаимодействия двух языков на территории России, находящихся в тесном контакте на протяжении очень долгого времени. По мере описания ситуаций билингвизма в других этноконтактных зонах несомненно обнаружатся и другие случаи немотивированного переключения кодов.

2.4. Коми-русское переключение кодов в Республике Коми

Так, чрезвычайно близкой к ситуации карельско-русского двуязычия кажется ситуация, сложившаяся в некоторых районах Республики Коми, в частности на реке Выми. Тщательное ее изучение впереди. По

некоторым данным, в этом регионе существует нескольких способов общения (подобно выделяемых Сархимаа, см. выше), большинство из которых — результат тесного взаимодействия двух языков на протяжении нескольких веков. Вероятно, одна из этих разновидностей — немотивированное переключение кодов. Не имея возможности подробно анализировать ситуацию⁸, приведу лишь один пример⁹:

- (6) **Кукань**-то бегала да бегала да и **пырис гидё**.
Теленок-то бегал-бегал, да и **в хлев забежал**.

2.5. Русско-якутское переключение кодов в Республике Саха (Якутия)

Ситуации тотального двуязычия (а чаще — многоязычия) типичны для Якутии. Некоторые случаи представляют интерес с точки зрения рассматриваемой здесь проблемы. Р. И. Васильева (1998: 44), описывая этноязыковую ситуацию в приленских улусах Республики Саха (Якутия), отмечает, что «интенсивное использование саха и русского языков повлекло за собой смешение разноязычных языковых средств, особенно распространенное в речи русских старожилов. Выбор языка в процессе общения часто не мотивирован, смена языков в процессе речи не осознана, переключение с одного языка на другой зачастую вызывается внешними причинами». Здесь надо пояснить, что речь идет об Олекминском и Хангаласском улусах, по территории которых проходил Ленский почтовый тракт. Начиная со второй половины XVIII века, по мере создания Якутско-Иркутского тракта, вдоль него селились русские крестьяне, которые обеспечивали его работу (подробнее см.: Майнов 1912; Сафонов 1961; Соколов 1999). Оказавшись среди численно преобладавших якутов (которые, впрочем, доминировали и в хозяйственном, и в культурном отношении), пришлое русское население очень быстро стало двуязычным. Точно такая же ситуация двуязычия и немотивированного переключения кодов до сих пор имеет место на Средней Колыме, где жители некоторых сел (в частности, Среднеколымска) разговаривают между собой точно таким же образом, как жители упомянутых выше улусов. Разумеется, они прекрасно понимают и русский, и якутский языки, когда кто-нибудь из приезжих русских или якутов обращается к ним, но, разговаривая и между собой, и с приезжими, они всегда используют оба языка одновременно, при этом переключение происходит внутри предложений. Типичный пример:

- (7) **Смотри, утонешь** — дьиэгэ эн **не приходи!**
 смотри утонешь **домой ты не приходи**
 Смотри, утонешь — **домой не приходи!**

Последний пример — шутовское обращение матери к сыну, который, несмотря на ее просьбу, убегает с приятелями играть на речку.

Ситуация на Средней Колыме также еще требует тщательного исследования. Можно предположить, что матричным языком при переключении является русский, хотя не исключено, что сложился (складывается) составной матричный язык на базе русского и якутского. Просьба говорить на «чистом русском» приводит к результатам, подобным примеру 2: число якутских вставок в речи среднеколымчан уменьшается, но они не исчезают совершенно. Избавиться от них совсем для людей, живущих в этой местности, невозможно: они просто не способны сделать сознательный выбор между двумя языками. Использование обоих кодов одновременно — нормальная для них ситуация, в то время как использование одного («чистого») кода, с их точки зрения, как раз и будет отклонением от нормы, по которому безошибочно узнается «чужой». Жители других поселков, находящихся относительно недалеко от того же Среднеколымска, все без исключения двуязычны — знают и якутский, и русский языки. Однако при этом они не используют их таким образом, как, скажем, в Среднеколымске. Переключение кодов в их речи возможно, но оно не так часто имеет место, и это, по моим наблюдениям, как раз ситуативно обусловленное переключение. Билингвы, владеющие русским и якутским, но живущие в других районах, воспринимают перманентное переключение кодов в речи жителей Среднеколымска именно как их отличительную особенность, любят подшучивать над ними по этому поводу, передразнивать и т. п.¹⁰ При этом, в отличие, например, от случая с Дакаром, мне трудно представить ситуацию, в которой переключение кодов в речи среднеколымчан было бы мотивированным. Думаю, что в большом городе мы просто имеем больший набор различных социолингвистических ситуаций, большее социальное разнообразие среди населения. Это и приводит к тому, что в определенных случаях мотивированное переключение возможно.

Следует попутно заметить, что далеко не во всех русско-якутских этноконтактных зонах, даже сложившихся очень давно, наблюдается описанное выше явление. Существует еще одна группа русских крестьян, также живущих в Якутии достаточно долго (не меньше приленских ямщиков и среднеколымчан). Я имею в виду так называемых пашенных крестьян, поселившихся вдоль рек Амга и Мая (на юге Якутии) и занимающихся земледелием. Насколько я могу судить по литературе и отдельным собственным наблюдениям (мне удалось встретиться с несколькими амгинцами, правда, не в тех местах, где они живут постоянно), здесь события развивались по совсем другому сценарию. Потомки амгинских крестьян двуязычны, причем все они утверждают, что якутский язык для них родной, а русский второй. Встречаются случаи, когда человек свободно владеет якутским и плохо знает русский, но никогда не бывает наоборот. В этом случае мы имеем дело с языковым сдвигом, осложненным ситуацией билингвизма (частич-

ного). Переключение кодов в речи амгинцев возможно, но это, в отличие от описанного выше, всегда мотивированное переключение.

2. 6. Взаимодействие близкородственных языков: проблемы интерпретации

В заключение рассмотрим два случая взаимодействия близкородственных языков и попытаемся определить, как они соотносятся с рассмотренными выше ситуациями. Можно предположить, что результаты контактов русского и украинского языков, а также русского и белорусского языков (так называемые *суржик* и *трасянка*¹¹) имеют много общего с рассмотренным выше немотивированным переключением кодов. Примеры¹²:

Суржик

(8) **Давай** гулять (*вместо: играть*) **с тобой в прятки**. (пример из: Бацевич, Космеда 1996: 76)

(9) **Це кто пришел?** (*вместо: Это кто пришел? / Це хто прийшов?*) (пример Е. В. Романовой)

(10) Скажіть, скільки **время** (*вместо: Скажите, сколько времени / время* — просторечн. / Скажіть, котра година) (пример Е. В. Романовой).

Трасянка

(11) А вообще я **гавару** (*вместо: размаляю*) с беларуским акцентам. Я сама гэта **знаю** (*вместо: ведаю*). Я ж з деревни (пример из полевых материалов И. В. Лисковец).

Как было неоднократно показано в различных исследованиях (см., например: Trudgill 1986: 83–106), в переходных зонах в результате взаимодействия между близкородственными языками и диалектами могут возникать отдельные новые междиалектные промежуточные формы, а в некоторых случаях и особые промежуточные разновидности языка. Представляется, что, по существу, это то же самое явление немотивированного переключения кодов, хотя, разумеется, здесь есть своя специфика, обусловленная тем, что мы имеем дело с близкородственными языками и, соответственно, есть очень много случаев сходства на всех уровнях языка. Как раз по причине этого сходства становится положительно невозможно для носителей сознательно выбрать язык, отделить один язык от другого. В связи с такой интерпретацией легко угадывается возражение, что вряд ли есть смысл придумывать что-то еще в том «простом» случае, когда мы имеем дело с обычным диалектным континуумом. Однако две разные интерпретации (диалектный континуум vs немотивированное переключение кодов) просто позволяют посмотреть на интересующее нас явление с разных сторон. Понятие диалектного континуума сохраняет свою ценность в рамках истории языка, лингвистической географии и т. п. Постулирование же

немотивированного переключения кодов кажется плодотворным потому, что позволяет акцентировать внимание на динамике процесса. Точно так же, как и во всех упомянутых выше случаях, носители суржика и трасянки не могут разделить используемые одновременно два кода. При этом ни суржик, ни трасянку, пожалуй, нельзя считать одним сложившимся кодом: как и в примерах, рассмотренных выше, у разных информантов будут разные вставки из «другого» языка, разное процентное соотношение «частей» из разных языков, то есть отличительной от «нормального» кода чертой будет другая степень вариативности.

3. Заключительные замечания

Настоящая работа отнюдь не претендует на фундаментальные и окончательные выводы. Моей целью было привлечь внимание к явлению, на мой взгляд, недостаточно подробно рассмотренному в литературе о языковых контактах. Только дальнейшая работа в этом направлении, прежде всего новые материалы, может помочь прояснить ситуацию¹³. В заключение я попытаюсь сформулировать несколько основных положений в связи с разобранными выше ситуациями. Эти положения представляют собой не выводы, а скорее вопросы для будущих исследований.

1. Не всякое переключение определяется ожиданиями слушающего. Этот признак становится нерелевантен в тех случаях, когда переключение оказывается фактически единственным внутригрупповым способом коммуникации в двуязычном сообществе. Отсюда естественное следствие: или требуется новое определение переключения кодов, где признак ориентации на слушающего не будет обязательным, или (если сохранить упомянутый признак) не следует определять рассмотренное нами выше явление как переключение кодов. В связи с этим возникает вопрос, что следует понимать под маркированностью/немаркированностью переключения кодов. Возможный подход: ввести противопоставление «мотивированное/немотивированное переключение»; мотивированное, в свою очередь, будет включать маркированное и немаркированное переключение (в смысле Майерс-Скоттон). Можно предположить, что в языковом коллективе, постоянно использующем немотивированное переключение кодов, тем не менее должны быть какие-то свои средства маркирования речи (в рамках того же переключения кодов), ориентированные на слушателя (изменение процентного соотношения элементов в пользу одного из языков или что-то подобное).

2. В некоторых работах (см., напр.: Backus 1993: 233; Sarhima 1999: 237) утверждается, что если в языковом поведении коллектива доминирующей чертой является свободное, плавное (*fluid*) переключение кодов, то это с большой вероятностью указывает на то, что языковое поведение этого языкового коллектива связано с «немаркированным

выбором» переключения (имеется в виду то, что здесь называется немотивированным переключением кодов). К этому можно добавить, что еще одним вероятным признаком немотивированного переключения, пожалуй, можно считать наличие переключения кодов (внутри предложений) в фольклоре¹⁴. Подобные примеры в фольклоре, несомненно, свидетельствуют о сознательном языковом творчестве носителей. Надо полагать, что оно может иметь место и в ежедневном речевом поведении и некоторые результаты его, вероятно, могут закрепляться в языке. Возможность закрепления результатов языкового творчества в языковой системе, в свою очередь, зависит от престижности вновь образованной формы, конструкции, приема и т. д. Если новообразование «благословляется» (начинает регулярно употребляться) наиболее авторитетными членами данного языкового коллектива, то шансы на закрепление у такого новообразования довольно высоки. Среди лингвистов сложилось непоколебимое убеждение, что сознательные усилия «простых» носителей в отношении «изменения» языка невозможны¹⁵. Между тем некоторые «особые» случаи, наподобие приведенных фольклорных примеров (о других возможностях см.: Golovko 1994: 119), явно указывают на недооценку роли языковой игры и сознательного языкового творчества носителей¹⁶.

3. Роль идентифицирующей функции переключения кодов на микроуровне, то есть для личностной идентификации, неоднократно отмечалась ранее (см., например: Myers-Scotton 1997: 219). Случаи немотивированного переключения кодов заставляют обратить внимание на важность переключения кодов на макроуровне, то есть для групповой идентификации. Можно сказать, что рассмотренные выше случаи представляют собой немотивированное переключение кодов только в рамках внутригруппового общения. В то же самое время для людей, не принадлежащих к данному языковому коллективу, сам факт постоянного переключения кодов членами этой группы оказывается значимым и воспринимается как некоторый особый признак этой группы. Естественно, в этом межгрупповом взаимодействии существует и обратная связь (см. Jenkins 1994): члены группы, в свою очередь, сознают особое отношение к себе со стороны «чужих» (в том числе из-за особенностей своего речевого поведения) и уже сознательно коммуницируют окружающим¹⁷ эту черту как один из маркеров своей этничности. В некоторых случаях (см. также: Auer 1998b: 9) на функцию групповой идентификации также «работает» особое название, которое получает то или иное внутригрупповое переключение кодов, например, «сахалыарский язык», «суржик», «трасянка» (см. выше), ср. также Italoschwyz (итальянский + швейцарский + немецкий; см.: Franseschini 1998) или Spanglish (Spanish + English; см. Poplack 1980).

4. Немотивированное переключение кодов в функциональном отношении во многом аналогично регистру. Члены всех рассмотренных выше

языковых коллективов при общении между собой используют привычное переключение, однако все они время от времени оказываются в ситуациях, в которых используется какой-то один («чистый») код: у врача, в школе, в других государственных учреждениях и т. п. И хотя для них основным «регистром», которым они владеют в совершенстве, оказывается постоянное переключение кодов, они вынуждены по мере сил осваивать и другие «регистры».

5. В литературе о языковых контактах не делается разграничения между переключением кодов, подобным тому, что имеет место в описанных выше случаях, и переключением кодов в некоторых эмигрантских сообществах (как у пуэрториканцев в Нью-Йорке, описанных в: Poplack 1980, или норвежцев в США, см. Naugen 1989). Все эти ситуации требуют тщательного исследования, однако интуитивно ясно, что между этими двумя типами ситуаций есть важные отличия. В эмигрантских группах, живущих, как правило, в больших городах, кажется, в большей степени должно осознаваться различие используемых кодов¹⁸; очевидно, что подругому «работает» переключение в качестве идентифицирующего маркера; но главное — переключение кодов в эмигрантских сообществах, видимо, все-таки почти никогда не является немотивированным¹⁹.

6. Важен вопрос о взаимозависимости степени владения каждым из языков, участвующих в переключении, и умения переключать коды. По мнению Ш. Поплак (Poplack 1980), активное и плавное переключение (внутри предложений) в разговоре говорит не об ущербном владении одним из языков, а, напротив, указывает на то, что носитель может порождать полные конструкции на обоих языках. Не ставя под сомнение конкретную, описанную исследовательницей ситуацию двуязычия, можно, однако, усомниться в том, что ее наблюдение имеет универсальный характер. Из детального исследования Сархимаа (Sarhimaа 1999) ясно, что носитель, способный использовать немотивированное переключение кодов, может не знать один из языков столь же свободно, как другой. На это же указывают отдельные замечания в (Swigart 1992), а также мои собственные наблюдения над якутско-русским двуязычием. При этом было бы ошибочным полагать, что именно так называемое полуязычие является причиной появления немотивированного переключения кодов. Это попросту противоречит имеющимся фактам: большинство людей, использующих немотивированное переключение кодов, нельзя признать «полуязычными»²⁰. К тому же отдельные наблюдения за полуязычными носителями (см. например: Полинская 1987: 72) показывают, что они практически никогда не прибегают к переключению кодов. В связи с полуязычием необходимо упомянуть и точку зрения, согласно которой «смешение» языков — явный признак скорой «языковой смерти» одного из них (Dorian 1981: 115). Это, во всяком случае, нельзя отнести к рассмотренным выше примерам: ни волоф и французскому в Сенегале, ни якутскому и русскому в Якутии ничто не угрожает.

7. Необходимо хотя бы кратко упомянуть о проблеме немотивированного переключения кодов в связи с генезисом смешанных языков (см.: Bakker, Mous 1994). Вопрос о том, обязательно ли переключение кодов должно было предшествовать появлению того или иного смешанного языка, остается нерешенным. На этот счет высказывалось как положительное (см., например: Myers-Scotton 1998; Golovko 1994, 1999), так и отрицательное (см., например: Thomason 2000) мнение. Ясно, что поиски ответа на этот вопрос впереди, однако тот факт, что в большинстве случаев немотивированного переключения кодов структурной основой выступает составной матричный язык, а также то, что происходит нарушение почти всех ограничений, выявленных ранее на других примерах переключения, заставляет отнестись к такой возможности особенно внимательно.

8. Ответ на вопрос, содержащийся в названии работы, видимо, не так прост, как может показаться. Правомерно ли говорить в случае немотивированного переключения о появлении нового кода? Видимо, все-таки новый код в полном смысле слова не возникает. Хотя при определенных социолингвистических условиях «это» может закрепиться и сложиться в самостоятельный код. Если пофантазировать, то легко предположить, что это может произойти в случае, скажем, полной изоляции группы. Но могут быть и менее фантастические причины. Например, если ситуация радикально потребует от группы акцентирования своей групповой идентичности. Во всех рассмотренных примерах мы в конечном счете, видимо, имеем дело с переключением кодов. На то, что рассматриваемое явление все-таки не является собственно новым кодом, указывает и тот факт, что «иноязычные» вставки у разных носителей этого немотивированного переключения будут разные и в разных местах предложения. Более того, один и тот же носитель в рамках одного и того же предложения в разное время может переключаться по-разному. Хотя можно предположить, что в очень частотных предложениях у разных носителей будет наблюдаться тенденция к одинаковому переключению в одних и тех же местах предложения, а это как раз путь к стабилизации и складыванию по-настоящему нового кода. В известной работе (Le Page, Tabouret-Keller 1985: 202) в отношении языка вводятся понятия «сфокусированность» и «диффузность». Пользуясь ими, в другой работе Р. Ле Паж (Le Page 1998 [1992]) приходит к выводу, что говорить о билингвизме, переключении кодов, смешении кодов и т. п. не всегда просто по той причине, что помимо чисто структурного представления о языковой системе как о некоторой абстракции существуют еще представления разных языковых коллективов о используемых ими языках. В отношении некоторых языков и языковых коллективов можно говорить о большей сфокусированности. Так, носители, например, английского или французского языка имеют совершенно определенное представление о «границах» своего языка, они твердо знают, что принадлежит ему, а

что находится за его пределами. Носители этих языков не сомневаются по поводу того, какое название имеют их языки и т. д. Другие языковые коллективы относительно диффузны. В силу определенных социальных причин они могут не знать точного названия для своего языка, они могут быть не уверены в том, что «правильно» и что «неправильно» употреблять в разговоре, что входит в этот язык, а что должно считаться «чужим». Вероятно, со временем социальные условия по каким-то причинам могут измениться, и «диффузный» языковой коллектив может сместиться по шкале в сторону «сфокусированности». Очевидно, что языковые коллективы, рассмотренные в примерах выше, «диффузны» и этим отличаются от других («сфокусированных») языковых коллективов, пользующихся в данном случае теми же самыми формальными языковыми средствами. Языковые коллективы, использующие немотивированное переключение кодов, очевидно, находятся ближе к «диффузному» концу воображаемой шкалы, по сравнению с другими, чье речевое поведение характеризуется мотивированным переключением. В случае с последним на конкретную коммуникативную ситуацию, говорит о том, что они различают коды, а это как раз и указывает на их «большую сфокусированность».

Примечания

¹ Настоящая статья основывается на докладе, прочитанном на чтениях памяти А. Л. Грюнберга, проходивших в Институте лингвистических исследований РАН 3 марта 2000 г.

² В рамках социолингвистики специального объяснения скорее может потребовать ситуация одноязычия. Сюзан Ромейн начинает свою книгу о билингвизме (Romaine 1989) с остроумного замечания: *Bilingualism* в качестве названия книги не вызывает удивления, однако книга с названием *Monolingualism* выглядела бы странно.

³ В этой работе речь прежде всего идет о переключении, происходящем внутри предложения, — *intrasentential code-switching*. Как показывают некоторые исследования (см., например: Poplack 1980), такое переключение свидетельствует о высокой степени владения двумя языками, участвующими в переключении. Человек, менее искушенный во владении одним из двух языков, использует переключение между предложениями (*intersentential codeswitching*) или аппозитивное переключение (*tag switching*).

⁴ В этой работе я не останавливаюсь подробно на структурных закономерностях, выявленных для переключения кодов, об этом см. подробнее, например: Myers-Scotton 1993b. Обширная библиография приводится также в Myers-Scotton 1997.

⁵ При этом следует заметить, что мотивированное (то есть ориентированное на конкретную ситуацию общения) переключение кодов в том же Дакаре также встречается, автор разбирает несколько примеров.

⁶ В работе П. Гарднер-Клорос представлены также примеры, демонстрирующие другие структурные типы переключения.

⁷ Наверное, точнее было бы называть их регистрами, способами общения или как-то еще — но не «кодами» в собственном смысле слова.

⁸ Так, на основании немногочисленных примеров, имеющих в моем распоряжении, трудно судить, какой из языков является матричным, а какой — «вставным». Впрочем, вся совокупность имеющих в моем распоряжении примеров скорее указывает на то, что, как и в случае карельско-русского языкового взаимодействия, выработался составной матричный язык на базе коми и русского.

⁹ Пример из книги Г. А. Федорова «Востым» (Зарница). Автор, в художественной форме рассказывающий о том, как исторически складывалась ситуация на реке Выми, приводит и другие примеры с переключением. Я благодарен Л. А. Сажинной, указавшей мне на пример 6 и другие примеры из этой книги.

¹⁰ Иногда местные жители называют такой язык «сахалярским», ср. «сахаляр» — так называют всех полукровок, родившихся от браков местных жителей с русскими, точнее, с приезжими, имеющими европейский фенотип; попутно стоит обратить внимание на забавную реинтерпретацию значения этого слова, ср. якутское *саха-лар* — «якуты», где — *лар* — показатель мн. ч.

¹¹ Перевод: смесь сена с соломой.

¹² Я благодарен Е. В. Романовой и И. В. Лисковец за предоставленные примеры.

¹³ Основываясь на случаях, описываемых в литературе, можно сделать осторожное предположение, что такого рода ситуации, характеризующиеся немотивированным переключением кодов, не так уж редки. Так, кажется, похожий случай описывается в рамках французско-английской двуязычной ситуации в районе Оттавы (см. Poplack 1985). Нельзя сказать, что интересующее нас явление остается совсем не замеченным в работах по языковым контактам. Сархимаа (Sarhimaа 1999) называет сходное явление *habitualised code-switching*. В работе (Auer 1998a) говорится о том, что в некоторых случаях переключение постепенно утрачивает функции ориентации на дискурс. Однако в целом это явление явно находится на периферии внимания лингвистов, занимающихся проблемами билингвизма.

¹⁴ В сборнике русских песен Ленского тракта (Чарина 1994: 64, 78) приводятся такие частушки:

*Симпатичный девушканы
Олус, олус [очень, очень] я люблю.
Из-за этого, наверно,
Түүнү быһа [всю ночь] я не сплю.*

*Если Лена тонногоно [замерзает],
Трудно будет харбыырга [плыть],
Если девушка не любит,
Трудно будет таптыырга [любить].*

Ср. также одну из частушек, записанную мной у алеутов Командорских островов (ситуация на Командорских островах будет рассмотрена в отдельной работе):

*Слуках'-тйаалих' игах'танах',
«Командорах'» 'аниканах',
Рули его ки'мунах',
Труба его 'икун ах'.*

Перевод: Чайка-говорушка летает, / [катер] «Командор» на рейде, / Рули его кривые, / Труба его набок.

Я не анализирую здесь эти и другие подобные примеры. Это может стать темой отдельного исследования. Отмечу лишь, что в структурном отношении переключение в них отличается от «прозаического» — возможно, из-за необходимости соблюдать стихотворный размер.

¹⁵ См., например: Myers-Scotton 1998: 313.

¹⁶ Нельзя сказать, что роль языковой игры не признается совсем (ср.: Санников 1999: 26–27), однако в данном случае я имею в виду гораздо более радикальные ее результаты, сводимые в конечном счете к (почти) сознательному манипулированию языковыми средствами и закрепляющиеся на уровне грамматики. Например, не вызывает сомнения, что лингвистический механизм, обеспечивающий возможность образования так называемых смешанных языков (в терминологическом значении; о понятии «смешанные языки» см.: Bakker 1997; Bakker, Mous 1994), «приводится в действие» во многом благодаря творческому потенциалу носителей.

¹⁷ Конструирование маркеров этничности, одним из которых, разумеется, является язык, в свою очередь, также связано с сознательными усилиями носителей. Ср. следующий пример сознательной манипуляции языковыми средствами, который приводится в (Kulick 1992; я признателен Н. Б. Вахтину, обратившему мое внимание на этот пример). Жители одной деревни в Папуа Новой Гвинее специально устроили общий сбор, на котором обсуждался вопрос, каким образом добиться отличия от жителей соседней деревни. В результате было принято решение изменить форму одного слова. Ни в коем случае не отказываясь от идеи важности сознательных усилий носителей языка (об этом см. выше), приходится с сожалением признать, что такого рода свидетельства чрезвычайно редки и почти всегда анекдотического характера. Увы, лингвистов почему-то обычно не приглашают на собрания, подобные описанному выше, и им лишь остается узнавать позднейшие (разумеется, недостоверные) интерпретации события от информантов.

¹⁸ Уже из названия работы (Poplack 1980) видно, что информант вполне сознает, где именно происходит переключение: 'Sometimes I'll start a sentence in Spanish у termino en español'.

¹⁹ В работе Sarhimaа (1999: 197) эксплицитно отвергается сходство между переключением кодов в эмигрантских сообществах и тем видом переключения, которое в этой работе называется немотивированным.

²⁰ Обычно под полуязычием понимается такая ситуация, когда человек не владеет достаточно свободно ни одним из двух языков (см., например: Thomason, Kaufman 1988: 100–103).

Литература

- Бацевич, Космеда 1996: *Бацевич Ф. С., Космеда Т. А.* Языковая ситуация в западных областях Украины (сопоставительный анализ данных социолингвистических исследований 1989 и 1995 гг. // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Материалы международной конференции (Москва, 22–25 октября 1996 г.). М., 1996.
- Васильева 1998: *Васильева Р. И.* Современные этноязыковые процессы в приленских улусах Республики Саха (на примере Олекминского и Хангаласского улусов) // Историко-этносоциальные исследования: региональные проблемы. Новосибирск, 1998.
- Гамперц 1972 [1964]: *Гамперц Дж.* Переключение кодов хинди–пенджаби в Дели // Новое в лингвистике. Вып. VI: Языковые контакты. М., 1972 [первая публикация работы — 1964].
- Майнов 1912: *Майнов И. И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912.
- Полинская 1987: *Полинская М. С.* Полуязычие // Возникновение и функционирование контактных языков: Материалы рабочего совещания. М., 1987.
- Санников 1999: *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Сафронов 1961: *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.). Якутск, 1961.
- Соколов 1999: *Соколов А. Д.* По следам государевых ямщиков. Якутск, 1999.
- Чарина 1994: *Чарина О. И.* Фольклор русского населения Якутии (Русские песни Ленского тракта). Якутск, 1994.
- Auer 1998a: *Auer P.* From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech. [Interaction and Linguistic Structures 6.] Fachgruppe Sprachwissenschaft. Universität Konstanz, 1998.
- Auer 1998b: *Code-switching in Conversation: Language, Interaction and Identity* / Ed. by P. Auer. London; New York, 1998.
- Backus 1993: *Backus A.* Turkish-Dutch code-switching and the Frame-process Model // Immigrant Languages in Europe / Ed. by G. Extra and L. Verhoeven. Clevedon, etc.: 1993.
- Bakker 1997: *Bakker P.* A Language of Our Own: the Genesis of Michif, the Mixed Cree-French Language of the Canadian Métis. Oxford; New York, 1997.
- Bakker, Mous 1994: *Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Intertwining* / Ed. by P. Bakker and M. Mous. Amsterdam, 1994.

- Dorian 1981: *Dorian N.* Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect. Philadelphia, 1981.
- Franseschini 1998: *Franseschini R.* Code-switching and the notion of code in linguistics: Proposals for a dual focus model // Code-switching in Conversation: Language, Interaction and Identity / Ed. by P. Auer. London; New York, 1998.
- Gardner-Chloros 1995: *Gardner-Chloros P.* Code-switching in community, regional and national repertoires: the myth of the discreteness of linguistic systems // One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary Perspectives on Code-switching / Ed. by L. Milroy and P. Muysken. Cambridge, 1995.
- Golovko 1994: *Golovko E.* Mednij Aleut or Copper Island Aleut: an Aleut-Russian mixed language // Bakker P. and Mous M. (eds.). Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Intertwining. Amsterdam, 1994.
- Golovko 1999: *Golovko E.* Intertwined Languages: Life after Death? Paper read at The 2nd Workshop on Mixed Languages. Aarhus University, Denmark. May 9–10, 1999.
- Gumperz 1982: *Gumperz J. J.* Discourse Strategies. Cambridge, 1982.
- Haugen 1989: *Haugen E.* The rise and fall of an immigrant language: Norwegians in America // Investigating Obsolescence. Studies in Language Contraction and Death. [Studies in the Social and cultural Foundations of Language 7] / Ed. by N. C. Dorian. Cambridge, 1989.
- Heller 1988: *Codeswitching: Anthropological and Sociolinguistic Perspectives* / Ed. by M. Heller. Berlin; New York, 1988.
- Jenkins 1994: *Jenkins R.* Rethinking ethnicity: identity, categorization and power // Ethnic and Racial Studies. 1994. Vol. 17, № 2.
- Kulick 1992: *Kulick D.* Language Shift and Cultural Reproduction: Socialization, Syncretism and Self in a Papua New Guinean Village. Cambridge, 1992.
- Le Page 1998 [1992]: *Le Page R. B.* 'You can never tell where a word comes from': language contact in a diffuse setting // The Sociolinguistics Reader. Vol. 1: Multilingualism and Variation / Ed. by P. Trudgill and J. Cheshire. London, etc., 1998 [originally published in: Language Contact: Theoretical and Empirical Studies. / Ed. by E. H. Jahr. Berlin; New York, 1992].
- Le Page, Tabouret-Keller 1985: *Le Page R. B. and Tabouret-Keller A.* Acts of Identity: Creole-based Approaches to Ethnicity and Language. Cambridge, 1985.
- Myers-Scotton 1993a: *Myers-Scotton C.* Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa. Oxford, 1993.
- Myers-Scotton 1993b: *Myers-Scotton C.* Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching. Oxford, 1993.
- Myers-Scotton 1997: *Myers-Scotton C.* Code-switching // The Handbook of Sociolinguistics / Ed. by F. Coulmas. Oxford: Blackwell, 1997.
- Myers-Scotton 1998: *Myers-Scotton C.* A way to dusty death: the Matrix Language Turnover hypothesis // Endangered Languages: Language Loss and

- Community Response / Ed. by L. A. Grenoble and L. J. Whaley. Cambridge, 1998.
- Poplack 1980: *Poplack S.* 'Sometimes I'll start a sentence in Spanish *y termino en español*': toward a typology of codeswitching // *Linguistics*. 1980. № 18.
- Poplack 1985: *Poplack S.* Contrasting patterns of codeswitching in two communities // *Methods V: Papers from the Fifth International Conference on Methods in Dialectology* / Ed. by H. J. Warkentyne. Victoria, 1985.
- Romaine 1989: *Romaine S.* *Bilingualism*. Oxford, 1989.
- Sarhimaa 1999: *Sarhimaa A.* Syntactic Transfer, Contact- Induced Change, and the Evolution of Bilingual Mixed Codes: Focus on Karelian-Russian Language Alternation. Helsinki, 1999.
- Swigart 1992: *Swigart L.* Two codes or one? The insiders' view and the description of codeswitching in Dakar // *Codeswitching* / Ed. by C. M. Eastman. Clevedon, etc., 1992.
- Thomason 2000: *Thomason S. G.* Social Change and Linguistic Processes in the Emergence of Stable Mixed Languages. Paper read at the International Workshop on 'Theoretical Advances in the Study of Stable Mixed Languages'. University of Manchester, UK. December 8–9, 2000.
- Thomason, Kaufman 1988: *Thomason S. G. and Kaufman T.* *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley, etc., 1988.
- Trudgill 1986: *Trudgill P.* *Dialects in Contact*. Oxford, 1986.